

философским, при том, что оба эти подхода были тесно переплетены в русле общего развития древнегреческой литературной традиции: материал проходил строгий отбор и использовался только тот, который отвечал требованиям организации идеального государства, выдвинутым греческой политической философией V–IV вв. до н.э. «Индика», очевидно, составлена в рамках дискуссии относительно наилучшего государственного устройства, активно протекавшей в греческом мире, особенно в IV в. до н.э. Однако читатели, как древние, так и многие современные, приняв форму описания индийской действительности за содержание, не восприняли «Индику» как отражение реального положения дел в далекой Индии, что породило в позднейшей античной литературе восприятие Индии как уже реализованного идеала государственного строительства.

М.Д. Бухарин

THE DESCRIPTION OF THE INDIAN STATE IN MEGASTHENES' INDIKA

M.D. Bukharin

The article presents an analysis of the principles of the description of the structure of the ancient Indian society in Indika by Megasthenes, one of the most important works of ancient literature devoted to the description of India. On the basis of the analysis of the tradition of the description of non-Greek societies and ideal states in ethnographic and philosophic-political literature preceding Megasthenes, identification of the stereotypes underlying such descriptions and comparison of fragments from Indika with Indian tradition the author has come to the conclusion that Megasthenes followed in the steps of the existing literary tradition and structured his description in such a way as to answer questions, raised by Greek political philosophy in its search for an ideally organized state on the basis of Indian material.

© 1997 г.

ТРЕТЬЯ МАКЕДОНСКАЯ ВОЙНА: ПРОБЛЕМА ВИНЫ СТОРОН

Есть мнения, которые почти общеприняты, хотя и не имеют достаточных к тому оснований. Одно из них, уже глубоко укоренившееся в антиковедении, гласит, что македонский царь Филипп V до конца своих дней мечтал о войне реванша против Рима, эту идею унаследовал его преемник Персей, на котором во многом и лежит вина за начало III Македонской войны, погубившей царство Антигонидов. Между тем при тщательном анализе источников и конкретных событий такое мнение выглядит весьма проблематичным.

После Сирийской войны, ослабившей Селевкидов и поставившей их в зависимость от Рима, сенат ужесточил политику на Балканах. Отчетливо прослеживается стремление перейти от отношений протектората к полной гегемонии в регионе. Необходимость в помощи греков на Востоке отпала, исходя из политической ситуации упали ценность и значимость партнеров. Отныне особое внимание уделялось самому сильному государству – Македонии, ее пытались превратить в полностью зависимую, лишённую самостоятельной внешней политики. Давление на страну нарастало, ее всячески старались ослабить (App. Мас. IX. 6).

Во время Сирийской войны Филипп V, воспользовавшись разрешением римлян, занял часть Этолии. Однако затем ему изменило чувство меры, и он заодно «прихватил» и несколько фессалийских городов. Не случись этого, сенат, возможно, дольше помнил бы о ценной помощи царя в войне, тем более что, присоединившись к Антиоху III, он мог бы очень навредить Риму (App. Мас. IX. 6). Только благодаря Филиппу римская армия без потерь прошла через Фракию в Азию. На обратном пути, когда македоняне уже не беспокоились безопасностью дороги, фракийцы отбили часть трофеев, а консул с потрепанным войском сумел спастись, только уйдя в Македонию (App. Суг. 43), царь был вправе рассчитывать на благодарность.

Тем не менее после победы сенат заявил Филиппу, что не может выполнить щедрые обещания, данные ему накануне войны. Правда, ему разрешили оставить себе занятые земли, но позже потребовали очистить города Перребии и Эн с Маронеей (Polyb. XXII. 15. 3–4). Не смея спорить с Римом, разгневанный царь устроил резню в Маронее, ранее просившей сенат освободить ее от македонян. Специальная римская комиссия установила, что репрессии в городе – дело рук Филиппа и он враждебен Риму (Polyb. XXII. 18. 6). Вывод, безусловно, верный. Царь, однако, опасался открыто проявлять глубоко запрятанную ненависть к римлянам, чтобы не дать им повода спровоцировать войну, которой он явно боялся и не хотел. Надеясь избежать конфликта, он послал в Рим своего сына Деметрия. Использование в качестве посла царевича – случай крайне редкий для эллинистической дипломатической практики, но царь рассчитывал, что Деметрий, проведенный несколько лет в Риме в качестве заложника, сумеет использовать свои личные связи, чтобы умилостивить римское правительство.

Царевич зачитал в сенате письмо отца, в котором по каждому пункту обвинений было отмечено, что уже сделано и что будет сделано в уступку римлянам, хотя решение их и несправедливо. Последнее замечание было добавлено ко многим пунктам (App. Мас. IX. 6). Царь тщетно пытался апеллировать к совести сената, но заявлял о готовности подчиниться даже явно несправедливому решению; сохраняя возможное достоинство, он старался не доводить отношения до разрыва.

Сенат объявил, что прощает царя только ради его сына (Polyb. XXIII. 2. 10; App. Мас. IX. 6). Царевича окружили особым вниманием, намекая, что царем Македонии хотят видеть именно его. Фламинин приглашал Деметрия на «тайные совещания», убеждая, что ему помогут утвердиться на троне (Polyb. XXIII. 3. 8). Законный наследник престола Персей сенат не устраивал, так как его антиримские настроения были известны¹. Роль Фламинина в этой интриге весьма неприглядна, но это была не его частная инициатива, а исполнение воли сената, действовавшего исходя из политических соображений². Как отмечал еще Дж. Гаст, посадив на трон слабого и тшеславного царевича, сенат получил бы покорную Македонию³.

Можно согласиться, что поведение Деметрия «было очень близко к измене»⁴, он действительно ничего не сообщил отцу о предложении сената, но нет никаких видимых оснований утверждать, что царевич «возглавил проримскую группировку в Македонии»⁵. Трудно судить, насколько римлянам удалось «обработать» Деметрия; закончилась эта интрига трагично: по ложному доносу Персея Филипп велел убить сына, ставшего жертвой хитроумных комбинаций сената.

Царь, понимая, что дело идет к уничтожению страны⁶, готовился к борьбе:

¹ Meloni P. Perseo e la fine della monarchia macedone. Rome, 1953. P. 43; Errington R.M. The Dawn of Empire. Ithaca – New York, 1973. P. 202.

² Edson C.F. Perseus and Demetrius // HSCP. 1935. XLVI. P. 193–194, 198, 200; Walbank F.M. Philip V of Macedon. Cambr., 1940. P. 239; Briscoe J. Flamininus and Roman Politics, 200–189 B.C. // Latomus. 1972. T. XXXI. Fasc. 1. P. 25.

³ Gast J. The History of Greece. V. 2. Basil., 1747. P. 179.

⁴ Edson Op. cit. P. 194, 198, 200 f.

⁵ Шофман А.С. История античной Македонии. Т. 2. Казань, 1963. С. 247.

⁶ Walbank F.W. Philippos Tragoiomenos // JRS. 1938. LVIII. P. 66.

утвердился во Фракии, упрочил дружбу с иллирийцами, заключил союз с бастарнами. Полибий, однако, напрасно видит причину III Македонской войны в Филиппе (XXII. 8. 10), а В.С. Сергеев, слишком буквально понявший эту фразу автора, так и пишет: «Войну начал все тот же неугомонный Филипп»⁷. Заметим, что царь умер за восемь лет до ее начала! В этом пассаже ярко проявилась глубоко укоренившаяся вера в реваншизм Филиппа.

Прагматичный царь не помышлял больше о мести Риму⁸ и готовился не к нападению, а к обороне. Имея намерение напасть первым, он мог осуществить его во время Сирийской войны с меньшим риском и бóльшими шансами на успех, но при всей ненависти к Риму не рискнул это сделать даже в союзе с Антиохом III и Этолией, тем более не отважился бы он на такую войну в одиночку. Утверждения, что царь хотел организовать вторжение северобалканских племен в Италию⁹, отвлечь римлян нападением кельтов, чтобы вновь захватить гегемонию в Греции¹⁰, неправдоподобны. Р. Эррингтон справедливо называет их фальшивыми и просто фантастичными¹¹.

Разумеется, Филипп не стал пацифистом, но степень агрессивности напрямую зависит от соотношения сил и политической ситуации; ни то, ни другое не давало ему ни малейшего шанса на победу. Невероятно, чтобы царь, «с умением и величайшей рассудительностью приспособившийся к своему новому положению» (Polyb. XVIII. 33, 7), не понимал этого. Желание не только начать войну против Рима, но даже и высадиться в Италии¹², приписываемое ему, должно остаться на совести тенденциозных анналистов.

Ливий пишет (XLIV. 16), что если бы Персей по примеру отца ежедневно дважды перечитывал текст мирного договора с римлянами, он не стал бы портить с ними отношений. На эту фразу обычно не обращают внимания. Видимо, чтение договора, ущемившего Македонию, напоминало Филиппу о мощи врага, что позволяло укрощать гнев и сохранять осторожность. Несмотря на то что римляне крайне раздражали его своей назойливой мелочной опекой¹³, он не терял самообладания и не позволил спровоцировать конфликт.

Война с Римом не была целью Филиппа, он готовился защищать Македонию, если бы Рим решил лишить ее независимости¹⁴. Утверждение Полибия, что царь готовил войну из мести, ошибочно. Филипп лишь хотел видеть свою страну снова сильной, и ему это удалось¹⁵. До самой смерти он не нарушал хороших отношений с Римом¹⁶ и в 179 г. до н.э. оставил Персею окрепшее царство.

Проблема III Македонской войны тесно связана с оценкой личности и деятельности Персея. В источниках он получает негативную характеристику. Отмечаются его скупость (Plut. Aem. Paul. VIII, XII), малодушие (Polyb. XXIX 17. 5; App. Mac. XV; Plut. Aem. Paul. IX), непорядочность (Plut. Aem. Paul. VIII; Just. XXII. 3. 1), излишняя доверчивость и нерешительность и в то же время – дерзость и неумение владеть собой (Liv. XLII. 43. 25). Традиция утверждает, что Персей ненавидел римлян (Plut.

⁷ Сергеев В.С. Очерки по истории древнего Рима. Т. 1. М., 1938. С. 127.

⁸ Всемирная история / Под ред. А.А. Каспари. М., 1902. С. 309.

⁹ Мурыгина Н.Ф. Фракия и Рим. Борьба фракийских племен против римской агрессии во II-I вв. до н.э.: Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1951. С. 7.

¹⁰ Нице Б. Очерк римской истории и источниковедения. СПб., 1908. С. 160.

¹¹ Errington. Op. cit. P. 203.

¹² Голицын Н.С. Всеобщая военная история древних времен. Т. 3. СПб., 1873. С. 253; Штоль Г.В. Герои Рима в войне и мире. СПб., 1896. С. 334; Нич К. История Римской республики. М., 1908. С. 255; Шофман. Ук. соч. С. 246; Ното L. Primitive Italy. L., 1926. P. 305, 308; Toynbee A.J. Hannibal's legacy. V. 2. L., 1965. P. 469.

¹³ Герцберг Г. История Рима. М., 1881. С. 322.

¹⁴ Benecke P.V.M. The Fall of the Macedonian Monarchy // САН. V. VIII. Camb., 1930. P. 246; Rostovtzeff M. A History of Ancient World. V. 2. Oxf., 1927. P. 71; Walbank F.W. A Historical Commentary on Polybius. V. III. Oxf., 1979. P. 199.

¹⁵ Бенгтсон Г. Правители эпохи эллинизма. М., 1982. С. 271.

¹⁶ Нетушица И.В. Обзор римской истории. Харьков, 1916. С. 115.

Ает. Paul. VIII), желал войны с ними (Liv. XLII. 15) и склонял все племена к военному союзу против Рима (Just. XXII. 4. 1). Однако общая установка авторов – царь хотел войны – опровергается фактами, которые они же сами и приводят. Версия Ливия, что Персей убеждал Антиоха, Египет (?) и даже Пергам (!) восстать против Рима (XLII. 26), – абсурдна. Информация о посольстве македонян в Карфаген исходит от Масиниссы (Liv. XLII. 22) и выглядит сомнительной. Ливий обвиняет Антигона в покушении на Эвмена и приводит совершенно фантастичные слухи о желании царя отравить римских послов (XLII. 17).

Аппиан, напротив, сообщает о трудолюбии и трезвом образе жизни молодого царя, что снискало ему всеобщую любовь, о его разумности и милосердии (Mac. XI. 13), проницательности и смелости в бою (Mac. XVI). Все эти качества покинули его только после поражения, когда он был сломлен судьбой (*ibid.*). Этот образ столь же далек от реального, как и созданный римской пропагандой.

Отрицательное отношение к Персею господствует и в историографии, особенно старой¹⁷. Единственно верную оценку сторонам можно дать лишь исходя из тех целей, которые они перед собой ставили, и из тех факторов, которые стали причиной войны. Некоторые ученые полагают, что царь желал войны, но и боялся ее¹⁸. Другие верят, что он готовил наступательную войну с Римом¹⁹ и, чтобы получить в ней поддержку греков, провел ряд демагогических мер: обещал кассацию долгов, амнистию всем заключенным²⁰, но его безудержная демагогия многих оттолкнула²¹.

На самом же деле царь никогда не был демагогом. Взойдя на трон, он издал указ о прощении должников и осужденных за преступления против царской власти, одновременно он призвал изгнанников вернуться на родину²². Как убедительно показал Д. Мендельс, такие действия диктовались старым македонским обычаем и были традиционны при восшествии на престол нового царя, а указ касался исключительно македонян²³. Персей главное внимание уделял стабилизации внутреннего положения страны²⁴. Социально-политические меры царя в Македонии сделали его популярным во всей Греции; Рим выглядел защитником существующего статус кво, поэтому массы ждали изменений от Персея²⁵. В своих экономических трудностях они возлагали на Персея надежды, которые он не мог или не хотел осуществить²⁶. Обвинения в том, что царь разжигал революционность масс в Греции, безосновательны, они – плод римской пропаганды²⁷.

В Греции росла враждебность к Риму, даже Т. Моммзен признает, что «освободителям иногда случалось совершать несправедливость»²⁸. В Персее греки видели единственную силу, способную сбросить с них цепи зависимости. Этим, а не личными качествами царя, объясняется его популярность. Персей отнюдь не был выдающимся полководцем, как утверждает С.Г. Лозинский, и он не создал антиримскую коалицию,

¹⁷ См. *Гадзяцкий П.* Всеобщая история. Аккерман, 1887. С. 190; *Ткачевский А.* Учебник древней истории. 3-е изд. СПб., 1901. С. 206; *Мабли Г.Б.* Размышления о греческой истории. М.-Л., 1941. С. 323; *Тарн В.* Эллинистическая цивилизация. М.-Л., 1949. С. 47; *Gast.* Op. cit. P. 178; *Niebuhr B.G.* Lectures on the History of Rome. L., 1903. P. 458.

¹⁸ *Шлоссер Ф.* Всемирная история. Т. 3. СПб., 1862. С. 422; *Вебер Г.* Всеобщая история. Т. 3. М., 1892. С. 549; *Герцберг.* Ук. соч. С. 324, 330; *Нич.* Ук. соч. С. 256.

¹⁹ *Моммзен Т.* История Рима. Т. 1. М., 1936. С. 714; *Бокщанин А.Г.* История международных отношений и дипломатии в древнем мире. М., 1945. С. 57; *Ревако К.А.* Пунические войны. Минск, 1988. С. 221.

²⁰ *Мишулин А.В.* Античная история Греции и Рима. М., 1944. С. 180; *он же.* История древнего Рима. М., 1946. С. 40; *Шофман.* Ук. соч. С. 63; *История древнего мира / Под ред. А.Г. Бокщанина.* Т. 2. М., 1982. С. 259.

²¹ *Ковалев С.И.* История Рима. 2-е изд. Л., 1986. С. 275.

²² См. *Polyb.* XXV. 3. 1.; *Syll.*³ 636.

²³ *Mendels D.* Perseus and the Socio-economic Question in Greece (179–172/1 B.C.) // *AS.* 1978. № 9. P. 57.

²⁴ *Павловская А.И.* Греция и Македония в эпоху эллинизма // *История Европы.* Т. 1. М., 1988. С. 429.

²⁵ *Mendels.* Op. cit. P. 694–725.

²⁶ *Ibid.* P. 73.

²⁷ *Ibid.* P. 62.

²⁸ *Моммзен.* Ук. соч. С. 717.

в которую «был вовлечен даже далекий Карфаген»²⁹. Никакой коалиции не существовало. Карфаген вовсе не демонстрировал свою «антиримскую направленность»³⁰, а напротив, был покорен Риму. Унаследовав ненависть отца к римлянам, Персей продолжал и его политику подготовки к оборонительной войне, но делал это без должной скрытности. Он старался приобрести как можно больше союзников, чтобы укрепить обороноспособность страны и ослабить ее зависимость. В то же время, отойдя от разумной осторожности Филиппа, он пытался усилить свое влияние в Греции. Мирный поход в Дельфы, предпринятый «с пропагандистскими целями»³¹, был ошибкой царя, но сама по себе она не может служить обоснованием войны против него³². Персей не предпринял ничего, что позволило бы считать его инициатором войны.

Мнения о причинах войны можно систематизировать по пяти группам: 1) Персей – агрессор, развязавший войну и вынудивший Рим принять ответные меры³³; 2) опасные действия царя втянули Рим в войну, дали ему повод для решения македонской проблемы, а война была спровоцирована Персеем³⁴; 3) виновник войны – только Рим, а действия царя имели чисто оборонительный характер³⁵; Персей не нарушил ни одного пункта мирного договора³⁶, он не хотел войны, ее спровоцировал Рим³⁷; 4) причиной войны было обращение к сенату Эвмена³⁸ (это мнение совершенно неубедительно, так как Атталид не мог определять внешнюю политику Рима); 5) ответственность за войну лежит на доминировавшей в Риме агрессивной партии Фульвиев, именно она развязала войну³⁹. Заметим, что мнение о господстве Фульвиев выглядит явным преувеличением, к тому же Римская республика не вела войн в угоду отдельным нобильским родам. Соперничающие между собой группировки знати во внешней политике руководствовались пользой государства, как они ее понимали, а не своими личными амбициями.

Ближе всего к истине третья позиция. Отметим, однако, что демонстрация силы в Дельфах превысила разумные пределы оборонительной политики, вызвав раздражение римлян. Мы считаем, что характеристика Персея в источниках явно тенденциозна, его внутренняя политика очень разумна, а главная цель – укрепить страну и избежать войны. Но при этом личные качества царя малосимпатичны, а во внешней политике ему не хватало гибкости и решительности в критический момент. Он не хотел столкновения и не был авантюристом, идущим на заведомо проигрышную войну; Македония мешала римлянам самим фактом своего существования, и демонстрируя ее силу, он ускорил события. Перед Персеем было только два варианта:

²⁹ Лозинский С.Г. История древнего мира. Греция и Рим. Пг., 1923. С. 111.

³⁰ Шофман. Ук. соч. С. 253.

³¹ Моммзен. Ук. соч. С. 718; Meloni. Op. cit. P. 134–135.

³² Эти действия царя невозможно считать нарушением условий мирного договора. См. Errington. Op. cit. P. 204.

³³ Штоль. Ук. соч. С. 334; Всемирная история / Под ред. А.А. Каспари. С. 309; Scullard H.H. A History of the Roman World from 753 to 146 B.C. L., 1964. P. 265; Starr C.G. A History of the Ancient World. Oxf., 1965. P. 493.

³⁴ Моммзен. Ук. соч. С. 714; Pelman H.F. Outlines of Roman History. L., 1893. P. 135; Heitland W.E. The Roman Republic. V. I. Camb., 1909. P. 88–89; Meloni. Op. cit. P. 148–149, 158–159, 444–451; Stobart J.C. The Grandeur that was Rome. N.Y., 1962. P. 551; McShane R.B. The Foreign Policy of Attalids of Pergamum. Urbana, 1964. P. 164; Badian E. Roman Imperialism in the Late Republic. Oxf., 1968. P. 3; Raditsa L. Bella Macedonica // ANRW. Bd. I. В.-N.Y., 1972. P. 578, 579, 585; Gruen E.S. The Hellenistic World and the Coming of Rome. V. 2. Berkeley, 1984. P. 417.

³⁵ Benecke. Op. cit. P. 256; Cary M., Haarhoff T.J. Life and Thought in the Greek and Roman World. L., 1959. P. 60.

³⁶ Jaczynowska M. Historia starożytnego Rzymu. Warszawa, 1982. S. 106.

³⁷ Кац А.Л. Древний Рим. Фрунзе, 1959. С. 53; Thiel J.H. Studies on the History of Roman Sea-power in Republican Times. Amsterdam, 1946. P. 372.

³⁸ Герцберг. Ук. соч. С. 322; Frank T. Roman Imperialism. 2-nd. ed. N.Y., 1929. P. 221; Ehrenberg V. Man, State and Deity. L., 1974. P. 73.

³⁹ Briscoe J. Eastern Policy and Senatorial Politics 168–146 B.C. // Historia. 1969. Bd XVIII. P. 60.

покориться Риму или подняться на решительную войну – он не смог остановиться ни на одном из них, а ошибки и нерешительность в кризисной ситуации 172/1 г. до н.э. не позволяют считать его трезвым политиком, совершающим оптимальные действия.

Цели Рима оставались теми же, что и при Филиппе. Используя традиции италийской политики, заключающиеся в постепенности и поэтапности подчинения, сенат пытался добиться полной зависимости Македонии, но достичь этого не удалось, равно как и ослабления царства. Утверждения А.С. Шофмана об экономическом упадке, мощной проримской партии, партийной борьбе и симпатиях македонской знати к Риму⁴⁰ противоречат данным источников. Подлинной причиной войны была попытка Македонии восстановить свою силу и самостоятельность, а также ее хорошие отношения с греками⁴¹. Авторитет Рима на Балканах падал, а влияние царя росло, это и привело к войне⁴². Рим желал доминировать, но при наличии сильного македонского царства это было невозможно, и сенат начал войну с твердым решением устранить Македонию⁴³. Посольство 172 г. до н.э. потребовало у Персея уступок, которые реально означали потерю свободы⁴⁴, а потому были неприемлемы. Очевидно, сенат решил, что над страной надо установить контроль, более прямой и эффективный, нежели клиента⁴⁵.

Рим стал предъявлять Персею всякие обвинения и готовить общественное мнение Греции к войне с Македонией⁴⁶. Римляне объявили, что царь пошел с войском против храма Аполлона⁴⁷, что должно было настроить против него греков. Решив начать войну, Рим использовал все, чтобы заранее оправдать себя, – этим и объясняется очернение Персея проримской пропагандой⁴⁸. Инициатива войны исходила от римлян, но агрессорами можно признать обе стороны, поскольку речь шла не только о независимости Македонии, но и о влиянии в Греции. Для Македонии война стала последней⁴⁹, вынужденной попыткой освободиться и восстановить свои позиции на Балканах. Одновременно III Македонская война приобрела уже некоторый оттенок восстания⁵⁰, так как политическое положение и силы сторон были неравными.

Рим искал предлога к войне, в 172 г. до н.э. Эвмен, уловив момент, доставил в сенат длинный список «преступлений» царя; обвинения эти были клеветническими, сенат же, не желая иметь сильного соседа, решил воевать с Персеем; послов Персея и родосцев, желавших возразить Эвмену в лицо, приняли только после его отъезда (App. Мас. XI. 1–3). Очевидно, сенат понимал, что они легко могли уличить его в клевете. Послы, негодуя на все, говорили более резко, чем следовало, но фразы, приписываемой им Ливием, «царь не хочет войны, но если она начнется, будет вынужден храбро защищаться» (App. Мас. XLII. 14. 3) нет ни у Полибия, ни у Аппиана, лучше информированных и более объективных. Вероятно, автор «красоты ради» вложил в уста послов слова, произнесенные Филиппом накануне II Македонской войны, но совершенно неуместные в данных условиях, так как главной целью посольства было отвести от Персея ложные обвинения и не допустить войны.

Оправдания и просьбы македонских послов были отвергнуты, поскольку сенат уже пришел к определенному решению (Liv. XLII. 15). Правильно оценив ситуацию, глава

⁴⁰ Шофман. Ук. соч. С. 247 слл.

⁴¹ Моммзен. Ук. соч. С. 719; Гордеев В.Н. История древнего мира. Л., 1970. С. 134; Walbank F.W. The Hellenistic World. New Jersey, 1981. P. 338.

⁴² Герцберг. Ук. соч. С. 324.

⁴³ Нусе. Ук. соч. С. 185; Pelman. Op. cit. P. 136; Walbank. The Hellenistic World. P. 338.

⁴⁴ Boak A., Sinnigen W. A History of Rome to A.D. 565. N.Y., 1965. P. 133.

⁴⁵ Errington. Op. cit. P. 213.

⁴⁶ Ранович А.Б. Эллинизм и его историческая роль. М.-Л., 1950. С. 265.

⁴⁷ См. Никитский А. Римляне о царе Персее // ЖМНП. 1906. Март. С. 192; Sherk R.K. Roman Documents from the Greek East. Baltimore, 1969. P. 234.

⁴⁸ Edson. Op. cit. P. 202; Mendels. Op. cit. P. 55.

⁴⁹ Егоров А.Б. Рим на грани эпох. Л., 1985. С. 27.

⁵⁰ Radtsa. Op. cit. P. 584.

посольства Гарпал, вернувшись домой, сообщил царю, что война неизбежна (*ibid.*), но тот оставался пассивным. Вскоре Персея обвинили в покушении на Эвмена. Римляне выставляли и другие причины войны, как будто она еще не была решена, но особенно их раздражала дружба царя с греками (*App. Masc. IX. 1. 4*). Решение о войне было окончательным, о нем только не объявляли (*Liv. XLII. 19*). Римляне разослали послов к союзникам (*Polyb. XXVII. 3. 1*) – началась обычная дипломатическая подготовка войны – и заняли приморские города Иллирии, обезопасив переправу войск на Балканы. *Macedonicum Bellum in annum dilatatum est* (*Liv. XLII. 18. 4*).

По обычаю в том же 172 г. до н.э. римское посольство потребовало у царя удовлетворения, его обвинили в смутах в Фессалии и Этолии, потребовали восстановить власть изгнанного им фракийского вождя Абруполиса (*Diod. XXIX. 36*), упрекали в нарушении мира (*Liv. XLII. 25*). По Ливию (*ibid.*), царь пришел в ярость, кричал о высокомерии римлян, заявил, что считает прежний договор недействительным и хочет заключить с Римом равный союз, а когда послы объявили ему об уничтожении дружбы, что было равносильно объявлению войны, велел им покинуть Македонию. Весь рассказ выглядит невероятным, явно исходит от анналистов и совсем не вписывается в дальнейшее изложение самого Ливия. Ни у Аппиана, ни у Полибия нет ничего, хотя бы отдаленно напоминающего этот эпизод.

Второе посольство царя, спешно отправленное им в Рим, передало его удивление появлением римских войск на Балканах⁵¹ и обещало дать любое удовлетворение, если войска уведут (*Liv. XLII. 35*). Персей напоминал сенату, что является «другом римского народа» и просил, если к нему есть упреки, решить их во взаимной беседе (*App. Masc. XI. 4*), но послов с грубым ответом выслали из Италии (*Liv. XLII. 36*). Все римские посольства, объезжающие Элладу и призывающие греков к войне с царем, получили от него письма с вопросом, зачем легионы появились в Греции (*Liv. XLII. 37. 5–6*), но ответа он не дождался. Ему следовало перехватить инициативу и повести наступательную войну, но он медлил, явно боясь ее и «желая компромисса»⁵², который был невозможен. Мнение о том, что Персей был готов на любые уступки, потому что оказался в изоляции⁵³, неубедительно – он шел на них еще до того, как стало известно, что его почти никто не поддержит.

Римский посол Марций подал царю «ложную надежду на мир» (*Liv. XLII. 47. 1*) и заключил перемирие. Антигонид до конца верил в возможность мирного исхода, но Рим лишь выигрывал время⁵⁴. И хотя некоторые сенаторы, приверженные отмирающей римской честности, осуждали авторов обмана, это не мешало тем похвалиться своей «находчивостью» (*Liv. XLII. 47*). В нарушение перемирия римляне заняли часть Фессалии (*ibid.*) и Халкиду (*Polyb. XXVII. 2. 11*). Римский посол Лентул, используя беотийские отряды, осадил беотийский же город Галиарт, верный Персею. Царь же, «ослепленный пустой надеждой на мир» (*Liv. XLII. 43. 3*), отказал в гарнизонах союзным городам Беотии (*Polyb. XXVII. 5*), и им пришлось присоединиться к Риму. Жители трех городов, оставшихся верными Персею, были проданы в рабство (*Liv. XLIII. 4*).

Царь отправил послов на Родос, заранее прося посредничества, если римляне, вопреки договору, нападут на него (*Polyb. XXVII. 4. 4–5*). Это свидетельствует о том, что войны он явно не хотел и боялся ее: еще до начала военных действий Персей искал посредников, способных погасить конфликт и умиротворить римлян. Позже он искал посредничества Антиоха, Вифинии, Пергама, Египта (*Polyb. XXIII. 1*).

⁵¹ Если бы Персей действительно заявил об отмене договора с Римом и выслал римских послов, он не стал бы этому удивляться!

⁵² *Meloni*. *Op. cit.* P. 185.

⁵³ *Шофман*. *Ук. соч.* С. 254.

⁵⁴ *Нице*. *Ук. соч.* С. 187; *Briscoe J. Q. Marcus Philippus and Nova Sapientia* // *JRS*. 1964. LIV. P. 68.

Посольство в Рим, ради которого Персей пошел на перемирие, легко отвело от него все обвинения. Царь изгнал Абруполиса за набеги на Македонию, он сам сообщил об этом сенату, и тогда сенаторы сочли его действия справедливыми, как не порицали они его и за союз с Этолией (App. Мас. XI. 6–7). «Царь ни в чем не виноват и готов ответить на любое обвинение» (App. Мас. XI. 8). Сенату нечего было возразить на эти справедливые слова, и он... велел послам немедленно покинуть город – «у римлян давно решено было воевать» (Polyb. XXVII. 6, 3; Liv. XLII. 48; App. Мас. XI. 9).

С началом боевых действий Персей решил затянуть войну, а после первого же выигранного им сражения, отказавшись от возможности добить деморализованного врага, велел отступать (Liv. XLII. 59). А.С. Шофман полагает, что царь не стал развигивать наступление, поскольку не доверял своим наемникам и «боялся их измены»⁵⁵. Скорее пассивность Персея объясняется тем, что он до конца верил в возможность примирения и боялся своих собственных военных успехов, которые, как он полагал, могли вызвать большую жесткость римлян по отношению к нему.

Царь вновь и вновь просит мира, обещая дать ту же контрибуцию, что и отец, очистить те же территории. Римляне, твердо решив довести войну до логического конца, требовали только одного – капитуляции. Персей делал все, чтобы получить мир, но жертвовать своей самостоятельностью не хотел⁵⁶. От отчаяния он несколько раз даже пытался подкупить консула (Polyb. XXVII. 8. 13). Персею удалось затянуть войну, придать ей позиционный характер, он даже сумел вовлечь в нее Иллирию, но римляне быстро разгромили иллирийцев.

В 168 г. до н.э. для окончания войны, подрывающей престиж Рима, был послан один из лучших полководцев Республики – Эмилий Павел. Жесткими мерами восстановив дисциплину в разложившейся армии, он двинулся на Персея. Перед решающим сражением царь отказался воспользоваться помощью 20 тысяч наемных бастарнов, не сойдясь с ними в цене. Скупость Персея, проявленная в столь критический момент, имела роковые последствия для Македонии. В битве при Пидне македоняне потерпели сокрушительное поражение. Царь, упав духом и утратив самообладание, бежал с поля боя в самом начале сражения (Polyb. XXIX. 17). Конец войны означал конец македонского государства.

Сенат добился поставленной цели. Была устранена последняя реальная сила, которая могла стать центром притяжения всех антиримских элементов на Востоке, более ничто не могло помешать установлению римской гегемонии в рамках всего Средиземноморья. Важность свершившегося прекрасно понимали и современники. Не случайно Полибий считал падение Македонии тем рубежом, после которого мир попал под власть Рима (Polyb. I. 1. 5, 10; III. 4. 2–3).

Вернемся к проблеме вины сторон. *Первая версия*: вина за развязывание войны лежит на Персее. Версия совершенно необоснованна и опровергается данными источников. Запущенная анналистами, она должна была подкрепить главный тезис официальной римской пропаганды: Рим не ведет иных войн, кроме справедливых. *Версия вторая*: в войне виноваты римляне, но Персей своими непродуманными действиями позволил им найти повод к ней. Отметим, что при желании, а у римлян оно присутствовало, найти повод к войне можно всегда. Ни один конкретный поступок царя не давал законных оснований к войне против него. Но его действия – в совокупности – делали Македонию сильнее. Если смотреть на события глазами римлян, то именно в этом и заключалась его главная вина перед ними. Македония в любом случае была обречена, единственное, в чем здесь можно упрекнуть царя, – он всего лишь несколько ускорил развязку, активно укрепляя свое царство. Но мы не должны судить с римских позиций, поэтому не можем поставить в вину царю то, что он был хорошим правителем. *Версия третья*: ответственность за войну лежит на

⁵⁵ Шофман. Ук. соч. С. 257.

⁵⁶ Нисе. Ук. соч. С. 187; Rostovtzeff. A History... V. 2. P. 77.

римлянах. Думается, что она и является единственно возможной. Следует добавить, что при разумной внутренней политике Персей в решительный момент полностью провалился во внешней. Он не понял главного принципа: в критических ситуациях внешняя политика не терпит полумер и бездействия. Сама неспособность царя понять это, страх, парализовавший его, лучше всего доказывают: он никогда не предполагал вести наступательную войну против Рима, морально был не готов к ней.

А.П. Беликов

THE THIRD MACEDONIAN WAR: THE PROBLEM
OF THE GUILT OF THE PARTIES

A.P. Belikov

The author analyses the causes and the occasions of the Third Macedonian war and the main opinions in the historiography about the beginning of this war. Using available sources he restores the course of events and shows that Perseus, the King of Macedonia indeed tried to escape from the danger of the conflict. On the other hand, the Roman government did everything to make this war inevitable.

The author concludes that the main guilt of Perseus in relation to Rome was his policy aimed at strengthening his Kingdom. The modern historians should not stay on the Roman point of view and impute Perseus of being a good governor of Macedonia.